

Деяния Ивана Голикова,

курского купца
и звенигородского отшельника

реди множеств историков последних двух столетий, до тошно изучавших эпоху Петра I, едва ли найдется хотя бы один, не заглядывавший в фундаментальный труд Ивана Ивановича Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». Но, наверняка, большая часть исследователей, увлеченная новаторством петровских реформ, даже не подумала, кто, где и при каких обстоятельствах создал этот грандиозный труд. А между тем, написал его ... курский купец, проживший лучшую часть своей жизни в сельском уединении неподалеку от Саввино-Сторожевской обители и нашедший последнее упокоение на погосте вблизи Москвы-реки.

Иван Голиков родился в 1735 году в Курске, в купеческой семье. Судьба его, казалось, была предопределена, и он с юных лет увлеченно изучал хитрости коммерческих дел. Какими путями пришел к Голикову интерес к петровской эпохе — неведомо, наверное, было и ему самому. Рассказы ли грозного настоятеля курского Знаменского монастыря архимандрита Михаила, служившего в молодости полковым священником, записки ли отставных оренбургских «бригадиров» И. Неплюева и П. Рычкова о «делах Петровых», или знакомство с петровскими сподвижниками во времена службы в петербургской Комиссии нового Уложения распалили фантазию купеческого сына и побудили его записывать и собирать все «до Петра Великого касательное...»

А может, случай иной — «имевший место быть». В 1779 году Голиков с родственниками взял на себя питейные откупа Архангельска, Петербурга и Москвы. Дело шло весьма прибыльно, но однажды — «бес по-

Курский купец Иван Голиков

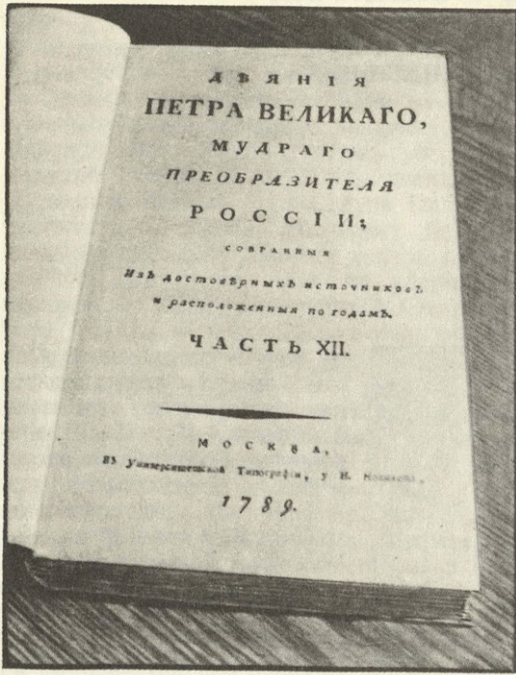
путал». Беспощадный ввоз в Россию «французской водки» обернулся не барышами, а тюрьмой. К счастью, знакомство Голикова с президентом Коммерц-коллегии А. П. Воронцовым спасло незадачливого коммерсанта. Манифест 7 августа 1782 года об открытии памятника Петру I в Петербурге предусматривал в связи с достопамятным событием амнистию некоторым узникам. Покровитель внес Голикова в список «прощаемых государыней», и перед ним распахнулись двери сырых казематов. Что было дальше — можно гадать. Сказывали, будто растроганный купец помчался на площадь, пал перед «Медным всадником» на колени и поклялся в память о своем освобождении посвятить остаток жизни Петру

Великому и написать историю его царствования...

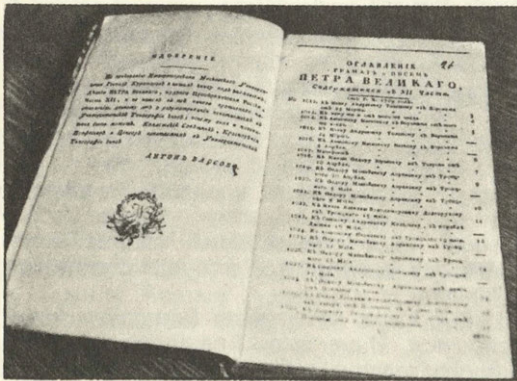
С той поры к коммерции Голиков не возвращался. И не имея большого достатка для обзаведения собственным домом и хозяйством, поселился в усадьбе своей дочери в селе Анашкино Звенигородского уезда. Привез он с собой небогатый скарб, среди которого было самое для него ценное — книги и рукописи.

Позднее книги, записки, документы о Петре и его времени превратились в солидную библиотеку из более чем 1500 томов. После смерти их хозяина они перешли к мужу внучки Голикова — основателю Харьковского университета В. Н. Каразину, а от него — в древлехранилище М. П. Погодина.

Приступая к созданию «Деяний Петра Великого...» Голиков отводил себе скромную роль «собирателя», полагая, что он «неискусный писатель и кроме русской грамоты ничему не учившийся и нимало не упражнявшийся в ... словесных науках...». Но труд его увлек, и он написал довольно необычное для своего времени двенадцатитомное сочинение, которое издал в Москве

Титульный лист труда Ивана Голикова
«Деяния Петра Великого...»

Лист оглавления книги
«Деяния Петра Великого...»

в 1788–1789 годах книгоиздатель и просветитель Н. И. Новиков. Первые девять томов представляли жизнеописание царя с 1672 по 1719 год, а последние три содержали публикацию 1427 писем и других документов, относящихся к Петру I. Екатерина II благосклонно отнеслась к первым, еще пахнущим типографской краской, томам «Деяний...». Голиков, не растерявший купеческой сметки, своего не упустил и монаршее благоволение облек в выгоду – получил высочайшее разрешение работать во всех архивах империи. А вскоре из разных уголков России в Анашкино потекла корреспонденция – пакеты с петровскими бумагами и книгами, конверты с «анекдотами» и воспоминаниями очевидцев.

С присущей русскому человеку (а в особенности купцу той поры) обстоятельностью Голиков решил свой труд продолжить. И в течение семи лет – с 1790 по 1797 год – он не просто написал, но и издал еще 18 томов, названных им «Дополнения к Деяниям...». Более чем столетие русской истории сумел он охватить – в первом томе Голиков рассказал об эпохе Бориса Годунова, а в последнем осветил состояние России после смерти Петра.

Забегая вперед, отметим: чтобы полнее представить петровскую эпоху, Голиков наметил отдельно создать историю «слуг Петровых». Он и в этом деле хотя отчасти, но преуспел. В 1800 году выпустил «Историческое изображение всех дел славного женовца Франца Яковлевича Лефорта... и сослужбника его... Патрика Гордона».

Для конца XVIII столетия – века Просвещения – труд бывшего курского купца был воистину титаническим. И современники его очень высоко оценили. Император Павел I в 1799 году пожаловал Голикова в надворные советники (что по «Табели о рангах» соответствовало в военной службе званию подполковника). Кстати, чин этот одновременно давал обладателю и дворянское достоинство.

А лучшие «сыны Отечества» охотно приобретали и читали «Деяния...» – это ли не высшая награда автору? На «Деяниях» воспитывалось несколько поколений россиян. Во многих домах не только обеих столиц, но и провинциальных городков, в имениях всякий уважающий историю имел в шкафах этот многотомный труд, который по праву можно назвать не менее высокопарно (но безусловно заслуженно) «Деяния Ивана Голикова».

В моем довольно обширном собрании книг, изданных крупнейшим книгоиздателем и просветителем XVIII столетия Николаем Ивановичем Новиковым, почетное место занимают разрозненные тома «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» – многолетний труд, вышедший из-под пера Ивана Ивановича Голикова.

Самый интересный из этих пухлых томов, наряженных в кожаные переплеты с потускневшим золотым тиснением, – последний, двенадцатый. Он примечателен тем, что в конце книги представлены (в духе той эпохи) «особы, подписавшиеся на сие издание».

Список «особ» (а их несколько сотен) пестр и многообразен. Немало здесь персон, «подписавшихся в Москве»: «его высокоблагородие М. Д. Бутурлин» – отставной бригадир; «граф Д. П. Бутурлин» – библиофил, сенатор, директор Эрмитажа; знаме-

нитые братья Орловы – Алексей, Владимир, Иван; «его высокоблагородие Г. М. Походяшин» – известный меценат, друг и сподвижник Н. И. Новикова; П. Г. Демидов...

Среди «подписчиков» граф П. Б. Шереметев – сын петровского фельдмаршала и В. Г. Вороблевский – «служитель графа Шереметева». Вороблевский – личность, достойная пера литератора, – крепостной, талантливый капельмейстер, композитор, автор «песен», пользовавшихся успехом на сценах знаменитых театров в Кускове и Останкине.

А вот еще не менее интересные «особы». В Москве ожидал выхода книги «его высокоблагородие Н. Н. Бантыш-Каменский» – русский и украинский историк, археограф, директор Московского архива коллегии иностранных дел. В Санкт-Петербурге подписался на «Деяния...» «его высокопревосходительство В. Я. Чичагов» – флотоводец и мореплаватель, адмирал, во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. командующий Балтийским флотом...

В Богородицке получил книги «его высокоблагородие А. Т. Болотов» – плодовитый писатель-мемуарист, «первый русский агроном»; а в Белеве – «его благородие» (значит, чином чуть ниже, чем Болотов, – какова субординация!) В. А. Левшин – писатель и переводчик, экономический просветитель.

Попали «Деяния...» и в Тамбов – к «его превосходительству Г. Р. Державину» – знаменитому пииту, бывшему в ту пору (в 1786–1788 гг.) тамбовским губернатором. В этом XII томе «Деяния...», сменившем за 200 лет Бог знает сколько владельцев и книжных полок, переплелось так много: судьба Петра Великого, судьба Ивана Голикова, судьба людей, оценивших «Деяния...» и их «собирателя», и как бы оставленное на мгновение всего одного года – 1789-го, но запечатленное на века, состояние и местожительство «особ» – «превосходительств», «высокоблагородий», «сиятельств», «преосвященств».

На протяжении всего XIX столетия «Деяния...» были самым популярным и распространенным в России изданием. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждала, что до конца XIX века «Голиков служил единственным серьезным источником для всех почти историков Петровского царствования». И это действительно так. Не зря же в 1837–1847 годах «Деяния...» и «Дополнения к Деяниям...» были переизданы.

Почти безвыездно пребывал Голиков в Анашкине на берегу речки Дубешни вплоть до конца своей жизни. Сейчас уже ничто не напоминает о расположении в этой неказистой деревеньке некогда богатого имения. В начале XIX века рядом с усадьбой

был выстроен опытный завод для выработки сахара из свеклы, которую выращивали местные крестьяне. Здание заводика и все усадебные постройки, небрежно используемые после революции, окончательно разорили зимой 1942 года отступающие фашисты.

Скончался Иван Иванович Голиков (бывают же такие совпадения!) в ночь, когда вдали от Анашкина, в Михайловском замке – резиденции Павла I, пьяный Платон Зубов, возглавлявший «партию» заговорщиков, запустил табакеркой в висок сумасброднему (и справедливости ради отметим – несчастному) потомку Петра Великого.

Свое последнее пристанище Голиков обрел на кладбище села Каринское в девяти верстах от Звенигорода. Мы вместе с сотрудником Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея Б. А. Ипполитовым исследовали каждую могилу этого кладбища, притулившегося на высоком берегу реки Москвы. И, хотя в фондах звенигородского музея хранится картина работы неизвестного художника, на которой изображено надгробие на могиле Голикова, никаких следов захоронения историка мы не нашли.

Труд Ивана Голикова еще долго оставался в поле зрения читающей России. Если А. Т. Болотов несколько старомодно называл «Деяния...» книгой, «которую ни одному россиянину читать устать не можно», то гений поэзии А. С. Пушкин использовал ее при работе над своими блистательными произведениями. «Деяния...» хранились в библиотеке поэта, и Александр Сергеевич многое почерпнул оттуда для достоверного воссоздания эпохи и личностей в «Истории Петра», «Борисе Годунове», «Полтаве», «Арапе Петра Великого».

Историк середины XIX века А. Старчевский утверждал: «Из всех прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого, достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова... 30 томов остались памятником его благородного рвення».

Как всегда, судьба распорядилась с книгами и человеком, их создавшим, по-своему. Поколение историков конца XIX – начала XX века сумело затмить глубиной анализа, новизной подачи материала, легкостью его восприятия, порой косноязычный и для современного прочтения весьма архаичный язык «осмнадцатого столетия», которым были написаны «Деяния...» И хотя вплоть до сегодняшнего дня труд Голикова не утерял своего значения и часто используется как первоисточник, его «Деяния...», как и он сам, изрядно подзабыты. А в родном Анашкине местные жители о Голикове даже и не слышали.